

Ирина Ярич

# КОМАНДИРОВКА В РИМ



Ирина Ярич  
**Командировка в Рим**

«Издательские решения»

**Ярич И.**

Командировка в Рим / И. Ярич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835984-2

История Максима настолько невероятна, что я испросил разрешения передать её другим. Дело в том, что Максим летал в командировку в Рим и после недельного пребывания вдруг оказался... в V веке! Нашёл там любовь, взаимную... Максим сумел жить в том далёком времени, помогал другим, заботился о своей семье. Но об этом как-нибудь потом. Пока же расскажу о первом годе пребывания Максима, несмотря на то, что вернулся он из командировки через три недели после отъезда.

ISBN 978-5-44-835984-2

© Ярич И.  
© Издательские решения

## Содержание

Пролог. Мой друг Максим	6
Глава первая. Поездка в Рим	9
I	9
II	10
Глава вторая. «Потеря памяти»	11
Глава третья. Смерть «родителей»	13
I	13
II	17
Глава четвёртая. Знакомство с «отчим домом»	19
I	19
II	21
III	22
Глава пятая. В Риме	24
I	24
II	26
III	28
IV	30
V	35
Глава шестая. В Карфагене	37
I	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

# Командировка в Рим

## Ирина Ярич

*«По-видимому, на свете нет ничего,  
что не могло бы случиться»*

*Марк Твен*

© Ирина Ярич, 2016

ISBN 978-5-4483-5984-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## Пролог. Мой друг Максим

Прошлым летом мы с Максимом, моим другом отдыхали на Байкале, который манил нас ещё с детства, но выбраться туда раньше было недосуг. Наконец, наши отпуска совпали, и мы купили двухместную палатку, резиновую лодку с вёслами и отправились на перекладных к знаменитому озеру.

Озеро! До чего же образный наш русский язык! Первая и последняя буквы – маленькие окружности, и само это короткое слово представляется окружностью. У меня, во всяком случае, слово озеро ассоциируется с чем-то округлым, заполненным водой. А Байкал?! Вы видели его на карте? Где же тут округлость?!

Другие называют Байкал морем, потому что оно огромно. Но согласитесь, привычно, когда море солёное и ещё лучше, если оно сообщается с другими морями большими по величине и объёму проливами или прямо переходит в океан. Пресноводный Байкал, если поместить в европейскую часть России, протянулся бы от Москвы до Санкт-Петербурга и соприкоснулся бы с Финским заливом.

На мой взгляд, правильнее считать его водохранилищем. Опять замечательное и ёмкое слово и соответствует Байкалу, как природному хранилищу пресной воды.

Мы с другом, конечно же, знали, что это озеро огромно, но когда, наконец, приблизились и остановились на его каменистом берегу, Байкал поразил нас величавой красотой и мощью. Погода стояла тихая, солнечная и на синих водах серебрилась рябь. Пошли по берегу, который всё тянулся и тянулся, а потом словно уходил под воду, накрытый сизым туманом. Обойти эту водную ширь – как было бы здорово! Но наши отпуска коротки для подобного похода.

Мы отдыхали там, где Байкал окружают горы, составляющие хребты, что простираются вдаль, извиваясь и разветвляясь. У их подножия пушистые лиственницы чередуются с разлапистыми елями и окаймляют изумрудной дугой водную синь. Высокие зонтики сосен с шелушащейся корой цепляются крепкими корнями за сыпучие склоны, а конусообразные макушки кедровых сосен, красуясь длинными иглами, взбегают к горным вершинам. Не раз мы плавали по озеру к многочисленным островкам, ловили рыбу.

Однажды мы заметили, что сизые тучи могут принести бурю и укрылись, нашли более-менее укромное местечко для палатки у скалы. И действительно разразился сильный шторм, который на наше счастье бушевал недолго. Ветер разорвал и разметал тучи, и снова засияло солнце. На берегу оказалось несколько рыбёшек, выброшенных штормом. Они у нас на глазах стали уменьшаться, словно худели или как будто таяли. Местные жители на наши расспросы ответили, что это живородящие рыбки голомянки, и что под солнечными лучами плавится их нежный жир, который содержит витамины и вообще очень полезен.

Уже три недели отдыхали среди первозданной природы. После загазованной и душной атмосферы мегаполиса Прибайкалье показалось нам раем. Солнце не жгло, не палило, а мягко ласкало лучами, делая приятным и уютным наше пребывание. С восхода округу заполняли трели птиц. Эти птичьи переговоры не смолкали до заката. Воздух настолько чист и свеж, что, казалось, и сам зазвенит. А вода удивительно вкусная и необычайно прозрачная, дно видно даже на глубине в несколько метров. Дивный край нас очаровал. И мы сами словно оттаяли. Исчезли нервозность и раздражительность. Потянуло на откровения.

Через несколько дней заканчивались наши отпуска, уезжать совершенно не хотелось, окружающая природа действовала умиротворяюще. Стали приходить мысли, верной ли дорогой иду среди городской суеты, устремляясь к карьерному росту? То над чем не задумывался и считал само собой разумеющимся, теперь выглядело сомнительным.

Ещё и Максим огорошил меня своей фантастической историей. Подумать только почти год скрывал, но с другой стороны и как расскажешь, ведь никто не поверит, скорее, сочтут ненормальным. Последние несколько месяцев, после возвращения его из очередной командировки замечал, что с ним что-то не так, Максим стал более замкнутым, неразговорчивым, задумчивым, более серьёзным, хотя куда ещё более, но всё же. Конечно, я пытался расспросить не из любопытства, а как-то отвлечь, но Максим не рассказывал. Я не лез в душу, по себе знал, что назойливость только раздражает и нисколько не облегчает печаль. И вот в один из тихих вечеров, когда мы сидели у костра, а вокруг дышала природа, у Максима прорвалось то, что давило его эти месяцы, да что там, почти год.

Наивкуснейшая уха уже была съедена, и мы, сытые и довольные, любовались заходом солнца. Бледный при свете дня лунный ломтик уже встал ему на смену. Затем солнечные лучи потонули в сиренево-оранжевых слоистых облаках, сбившихся у горизонта на западе. Сумерки наступали с востока, словно проявлялись из неизведанного далёка, обволакивая всё вокруг. Первые звёзды робко показались на синевом небе. Горные вершины стали стремительно погружаться во мрак, и темнота по склонам спускалась на сине-серебристое озеро. В костре трещали сухие ветки, пламя, искрясь и танцуя, устремлялось вверх, и его языки растворялись в вечернем сумраке.

– Игорь, я давно хочу рассказать тебе историю, которая произошла со мной около года назад во время командировки в Рим, – обратился ко мне Максим. – Это очень странное происшествие, и я до сих пор не знаю, как объяснить то, что со мной случилось.

– Происшествие?! И ты столько времени молчал! – удивился я.

– Всё как-то не решался. Да и подходящего случая не было. Только эта история длинная.

– Не томи, Максим, начинай уже рассказывать.

И Максим поведал мне очень странную и необычную историю. Если бы я не знал его много лет, то усомнился бы в её правдивости. Наша дружба давняя, ещё со школы, с пятого класса. Его родители тогда переехали в наш городок. Из всех предметов тогда Максиму больше всего нравилась история древнего мира. Помню, как он всегда очень внимательно слушал учительницу истории Ольгу Николаевну, которая прекрасно знала свой предмет и увлекательно рассказывала. И у неё на уроках не только двоек, троек не было. Максим, бывало, вытаращит на неё свои серо-голубые глаза и смотрит, почти не отрываясь, будто боится пропустить что-нибудь. Ребята даже посмеивались, говорили: влюбился. Но не будешь каждому объяснять, что когда интересно, то нельзя не смотреть на того, кто рассказывает такие захватывающие вещи. А древний мир был непостижимым и манящим. Это словно другая планета с иными племенами, народностями и государствами, со своими законами и обычаями. Тогда в детстве Максим хотел стать археологом. Только он не мог решить, какому же государству отдать предпочтение, потому что археолог должен ограничивать свой интерес каким-то одним регионом. А моему другу было интересно многое.

В старших классах интерес к истории поубавился. Школьники обычно свой интерес к тому или иному предмету связывают с личностью учителя. Хоть и глупо, но это так. С историей СССР нам не повезло: другая учительница рассказывала нудно, без энтузиазма, может быть, ей самой было неинтересно. Так это или нет, но на её уроках мы скучали.

Не повезло нам и с учительницей английского языка. Та любила рассказывать всякие небылицы и случаи, которые с ней происходили, или рассуждать о чем-либо, совсем не касающемся темы урока. Быстро усвоив эту её особенность, мы частенько в начале урока задавали ей какие-нибудь вопросы, спрашивали её мнение, нарочно тянули время. А, когда она спохватывалась, то успевала до звонка только напомнить о домашнем задании.

После школы мы вместе поступили в медицинский. Я давно хотел стать хирургом, а Максим в институт пошёл за компанию, в основном, чтобы получить профессию, а не из большой любви к медицине.

В институте, изучая обязательную латынь, Максим понял, современному человеку знание иностранного языка необходимо и принялся осваивать французский. Через два года он начал самостоятельно учить итальянский, а ещё через год – немецкий. Лишь изредка консультировался с преподавателями. Как-то случайно ему попался учебник старославянского языка. Он и его принялся читать с интересом.

По распределению я попал в областную больницу, а Максим – в поликлинику Приморского района. Я ассистировал во время операций, потом и сам стал оперировать. А вот Максимка, поработав участковым врачом, понял, что терапия – не его призвание. И если бы не хобби, то впал бы в хандру. Увлёкся он древней историей, взялся изучать историю и культуру европейских стран. Уволился из поликлиники и устроился в фармацевтическую фирму, пройдя отборочный конкурс. Благодаря знанию иностранных языков и медицинскому образованию стал там вскоре нужным и почти незаменимым.

Фирма, где работает Максим, не только расширила ассортимент медицинских и фармацевтических товаров, но и стала специализироваться на импорте различных косметических средств по уходу за кожей и волосами. Максим часто ездит в деловые командировки во Францию, Италию и Германию. Его присутствие стало уже необходимым при деловых переговорах. Иностранцев умиляет интерес моего друга к их родным странам, они проникаются к нему доверием, и в результате ему удаётся заключать выгодные контракты.

Всё удавалось, лишь в одном Максиму не везло – в любви.

При всей своей практичности и дальновидности, он всё-таки очень ранимый и, можно сказать, в какой-то степени наивный. Сидел я тогда с ним у костра на берегу Байкала, слушал непостижимую его историю и думал: удивительно, что это вообще произошло, но не удивительно, что именно с ним. Максим настолько увлёкся прошлым, что его всё больше и больше занимали события тех далёких веков, и всё меньше интересовало настоящее. Нет, он не идеализировал прошлое. Но оно его манило, как всё недоступное, малоизвестное и далёкое. Максим не пустой мечтатель, и не враль, что-либо придумывать и забавлять он не будет. В этом я был уверен, и ничуть не сомневался в правдивости его рассказа. Но объяснить я совершенно не в силах. Одно из чудес или причуд всемогущего Неба? У меня ответа нет. Может кто-нибудь из читателей своим пронзительным умом постигнет. Поэтому я выношу историю моего друга, разумеется, с его разрешения на ваш взыскательный суд.

Помню, сидит напротив меня Максим. Красивый, статный, крепкий. Школьное увлечение гимнастикой, а потом занятия в институтском кружке самбо пошли на пользу. Его небольшая борода, которую он отпустил в последнее время, в отсветах пламени костра из русой превратилась в рыжую, как и густые отросшие за отпуск волосы. Похож на древнего русича. Ему бы меч да копье со щитом, да шлем с кольчугой – вылитый княжеский дружинник. Но его занесло в другую эпоху...

## Глава первая. Поездка в Рим

### I

А вот и сама история, как поведал мой друг.

– Подходил к концу срок контракта с итальянским партнёром, – начал свой рассказ Максим. – Для обеих сторон соглашение было очень выгодное, не только наша фирма, но и итальянцы надеялись на его продление. Случайно руководству фирмы стало известно, что конкуренты активно переманивают нашего партнёра. Надо было срочно принимать меры. Уладить столь непростое дело поручили мне. Начальство расщедрилось, и откомандировало меня в Рим аж на две недели.

В аэропорт я поехал на такси. Шоссе постепенно приближалось к морю, затем шло параллельно береговой линии. Вокруг становилось сумеречно, словно небеса превратились в полупрозрачную серую дымку, которая разрасталась и сливалась с морем. Вдоль берега плыл пассажирский лайнер, украшенный зажжёнными окнами, как новогодняя ёлка сверкающими гирляндами.

И вспомнилось мне, как почти десять месяцев назад на таком же теплоходе я плыл вместе с Надей. Я так ждал этого круиза! Две недели наедине! В одной каюте! Думал, уж теперь будем вместе, теперь нам никто не помешает. Только мы и море! Но я не учёл – теплоход прогулочный, развлекательный. То бар, то ресторан, то бассейн и всюду весёлые компании. А Надя общительная, даже слишком... Мне хочется быть рядом с ней, хочется, чтобы она уделяла внимание только мне. А её тянет к новым приятелям, и из бара и ресторана её можно вытащить только на палубу, где она щеголяла в своём слишком откровенном золотистом бикини, или в бассейн, и везде её сопровождала компания новоявленных друзей. Кончилось тем, что мы поссорились, и она быстро нашла мне замену. Так, что моя Надежда перестала быть моей и не оставила никакой надежды на нашу совместную жизнь, о которой мечтал.

Я смотрел на лайнер и старые, казалось, уже угасшие чувства проснулись. Какая-то серая тоска охватила мою душу. Невыразимая грусть выдавила из глаз влагу, подкатила ком к горлу. Почему я так полюбил её? Почему она меня не любила? Почему? Почему так происходит?..

Через несколько километров шоссе плавно повернуло, удаляясь от морского побережья. Седое небо окончательно слилось с пепельным морем на невидимой уже линии горизонта, вдоль которой очень медленно перемещалась продолговатая бриллиантовая «брошь-лайнер», сияя крохотными сверкающими окнами, становясь, всё меньше и меньше. Крошечные огоньки в три ряда на белом овале в сером тумане сплошного моря-неба. Я как замороженный смотрел на эту бриллиантовую «брошь», уменьшающуюся и удаляющуюся в сероватую бездонную даль. Может быть, из-за того, что смотрел слишком пристально, эта картина унесла меня на несколько мгновений из действительности в какую-то иную реальность. И мне захотелось другой жизни, такой же вот маняще далекой.

Шоссе уходило от моря. Последний раз взглянул я на крошку «брошь» и грустно вздохнул. Как ни странно вдруг почувствовал облегчение, словно с этим печальным выдохом вышла, закончилась моя прежняя жизнь, и появилось ощущение, что начинается её новый этап. *От предчувствия чего-то необычного защемило в груди, как будто я вступаю на опасный, но заманчивый путь.*

## II

И вот я в Риме. Мне нравится этот город. Нравится Италия. Нравятся итальянцы, в большинстве своём они очень красивые, особенно глаза. По-моему, глаза у итальянцев самые красивые в Европе. Когда я впервые приехал в Италию, у меня было такое чувство, что я вернулся туда, где у меня осталось что-то родное. Странное это ощущение не покидало меня в Риме и при последующих визитах. Какая-то мимолетная ностальгическая тень редкими волнами покрывала мою душу. Я ощущал грусть, словно от потери чего-то родного, и одновременно радость, как будто я вот-вот обрету что-то важное. Я не находил разумного объяснения своим ощущениям, кроме своего субъективного отношения к этой прекрасной стране с многовековой историей.

Но меня ждала работа, трудные переговоры с руководством фирмы. И я постарался сосредоточиться на этом деле. Немалых трудов мне стоило убедить Роберто Висконти, нашего итальянского партнёра, продлить контракт. Целую неделю я бился. В конце концов, Роберто согласился продолжить наши партнёрские отношения. Остался всего лишь один спорный пункт, очень важный для нашей фирмы, и не очень выгодный для Роберто. Приближались выходные, которые обычно Роберто посвящал семье. Мы решили отдохнуть, развлечься.

В субботний день была организована экскурсия в Ватикан. Семья Висконти прибыла в полном составе: Роберто, стройный и красивый, с вдумчивыми голубыми глазами; его обворожительная и жизнерадостная черноглазая жена Сабина, их двенадцатилетний сын, красавец Джулиано и восьмилетняя куколка, дочь Лючия.

Знаменитые фрески красоты неопишущей. Рассказать не берусь, это надо видеть. Но я не удержался от комментариев и даже дополнял объяснения гида, разумеется, на итальянском языке, чем завоевал симпатии и расположение семьи Роберто.

В воскресенье мы все отправились на виллу, расположенную в живописных окрестностях Рима. Там было тихо, мило и уютно. Но мне, почему – то, хотелось на море. Плавая в бассейне, я закрывал глаза, представляя, что лежу на морских волнах. В тот день меня одолела мечтательная нега. *Хотелось погрузиться в неизведанный мир, уйти от знакомой реальности.*

Выйдя из воды, я отказался от шезлонга, любезно предложенного хозяйкой, расстелил полотенце на лужайке на сочной траве и растянулся в истоме. *Устремил взгляд в небесную даль, любуясь перистыми облаками. Наслаждаясь спокойствием и безмятежностью, ощутил, что меня куда-то уносит...*

## Глава вторая. «Потеря памяти»

Я открыл глаза, но солнце ослепило. Присмотрелся и увидел... море, манящее и безграничное, сине-бирюзовая искристая рябь до горизонта. Пологий песчаный берег облизывали, слегка пенясь, зеленоватые волны. Недоумевая, каким же образом я оказался у моря, оглядывался вокруг. Слева заметил выброшенную на берег разбитую громадную деревянную лодку, похожую на античный корабль, что меня весьма удивило. «Для лодки размер чересчур велик, – мелькнула мысль, – прямо уж транспортный корабль», – решил я, так как борта сильно округлые, а, насколько припоминал, бока боевых судов куда менее изогнутые, за что их и называли «длинные». Часть берега покрывали многочисленные обломки досок, а также какие-то ящики разбитые и уцелевшие, обрывки канатов и веревок.

Голова раскалывалась, но я приподнялся и побрёл по песку. «Солнечный удар или перебрал „мартини“? – подумал я, прислушиваясь к шуму прибоя. Где это я? Стоп, стоп, я же выпил всего две рюмки... Но, как сюда попал? И куда подевались?..»

– Хозяин! Господин Максим! Хозяин! Нашли товары! – раздался крик парня, бежавшего в мою сторону. Говорил он, почему-то, по латыни.

Подумал, что парень обращается не ко мне, и побрёл дальше. Юноша, в какой-то короткой рубаше без рукавов, шлёпая босыми ногами по мокрому песку, догнал меня и стал радостно твердить опять тоже самое, добавляя, что он рад видеть меня живого и почти невредимого.

«Это ещё кто такой? О каких товарах речь? И почему он меня называет хозяином? И во что он одет?» – с некоторой долей сомнения и опасения встретил подбежавшего темно-волосого юношу, который стал рассказывать, кто и где нашел их товары. Я ничего не понимал, мне хотелось присесть, но ни шезлонга, ни скамейки не оказалось. Пришлось сесть прямо на песок. Только тогда заметил, что мои голые ноги обуты в сандалии, а из одежды какая-то хламида, типа простыни с застёжкой на левом плече. Осмотрев себя, я опешил...

«Что это за маскарад? Зачем это „древнеримское“ одеяние? Куда я попал?.. Не пойму ничего!» – думал я, обхватив руками голову.

– Голова всё ещё болит? – с сочувствием спросил молодой человек.

Я решил подыграть и попытаться что-нибудь разузнать.

– Да, очень, – вслух сказал я тоже на латинском языке. – Но, хуже то, что ничего не помню.

– Совсем ничего? – удивился тот, как будто искренне.

Я отрицательно покачал головой.

– И меня?

Я подтвердил.

– Я Фиделис, слуга ваш. Мы везли в Рим товары, но почти у берега потерпели кораблекрушение, нас настигла буря. Господь смилостивился, и все наши выжили. Вас, мой господин, стукнуло мачтой по голове, и вы упали без чувств. Мы вынесли вас на берег, потом пошли искать и собирать то, что выбросили волны. О, господь милостив к нам, многое удалось найти. Ткани, пряности я разложил на горячем песке, их сторожат наши гребцы. Когда товар подсохнет, отнесём во дворец к императору. Но сначала вас надо доставить домой. Куда вы предпочитаете: в Рим или на виллу?

– На виллу, – после недолгого раздумья ответил я, а сам думал: «Что за бред? Слуга, ткани, пряности, кораблекрушение, дворец императора! Кто здесь сошёл с ума?.. А, быть может Роберто устроил розыгрыш? Что ж, любопытно... но этот малый говорит не на итальянском! Зачем такие ухищрения? К чему латынь? И какая-то непривычная», – и я в изнеможении повалился на песок.

Пока я осматривался и недоумевал, Фиделис носился по берегу. Этот шустрый паренёк, ещё подросток, вместе с капитаном нанял несколько лодок, в которые слуги и матросы перетаскали подмокший груз. На море стало совсем тихо, волны слегка пенились, набегая на прибрежные камни, торчащие из воды. Солнце палило нещадно, а на небе – ни облачка.

– Вот, ведь и не подумаешь, что ещё вчера вечером был ливень и ветер сбивал с ног, – сказал Фиделис, помогая мне зайти в лодку. – Триерарх сейчас подойдёт, даст отчёт.

– Триерарх?

– Да, господин, мы так называем Флора Доната, вспомните, он раньше служил триерархом на военном корабле. Его прежняя должность ныне нечто вроде прозвища... Вы всегда были довольны им, как он управляет кораблём.

– А-а... Не до отчёта мне сейчас. Пусть займётся более срочными делами.

Фиделис умчался к группе мужчин, которые осматривали выброшенный на берег корабль. Когда он подбежал ко мне, спросил:

– Сколько ты у меня служишь? – решил притвориться и принять навязанную мне игру.

– Уж больше пяти лет, с тех пор как стал помогать отцу... Господин, вы как-то стали говорить... как-то не так. Неужто от удара?!

– Отчего же ещё. Фиделис, будь другом, помоги возвратить мне память.

– О, господин! Я не в силах! Искусство врачевания мне неведомо! – юноша испугано вытаращил большие карие глаза.

– Рассказывай всё, что знаешь. Отвечай на мои вопросы подробно. Напоминай мне о всех и обо всём, что самому известно.

– О, да, господин, – парень вздохнул с облегчением.

– Мы решили ехать на виллу, а почему отправляемся в море?

– Так путь к вилле короче. Дойдём до северного устья Тибра вдоль берега. Потом – по реке, и – прямо к поместью.

Фиделис уселся на краешке скамьи напротив меня. Он казался успокоенным, будто выполнил то, за что отвечал.

– Фиделис, меня ждёт кто-нибудь?

– Кто ждёт?.. Торговые партнёры, те, с кем заключали договора. Покупатели. Мой отец Адолий, управляющий вашим поместьем...

– А жена? У меня жена есть?

– Нет. Вы не женаты, мой господин.

– А родители? Братья, сёстры?

– Есть троюродные, а у родителей вы были один.

– Почему был?

– Так погибли ваши родители, господин.

– Погибли? Как? Когда?

– Давно. Я тогда ещё не родился. Мне отец рассказывал, а ему те, кто пережил три осады Рима.

– Осады? Расскажи всё, что тебе известно, – я подумал, что игра затягивается и осложняется и, если бы не головная боль, то довольно любопытно.

Юноша будто что-то вспомнил, встрепенулся.

– Да, мой господин... чуть позже, пока мне надо проверить, – и умчался к тем, кто ещё оставался на берегу.

## Глава третья. Смерть «родителей»

### I

Кто так странно вознамерился подшутить надо мной? Как я не ломал голову, понять не мог. Надоело биться над этим вопросом, и я просто смотрел на небольшие волны, что качали лодки, куда люди, загружали последние тюки и ящики, слева группа людей поклонилась как будто бы мне, после чего куда-то направилась.

Фиделис напомнил о себе.

– С вашего позволения, господин, я осмелился оставить гребцов столько, чтобы нам добраться на этих, – и он кивнул в туда, куда полуобнажённые люди заносили поклажу, – пяти лодках и разгрузить груз, да и из поместья слуги помогут. Флор Донат просил вас извинить его, что ушёл, не решился тревожить. Спешит найти людей, надо вытащить корабль и быстрее ремонтировать. В киле в разных местах большие повреждения.

– Им всем надо бы отдохнуть и поесть.

– Трапезой и ночлегом распоряжаются помощники Доната, не беспокойтесь, господин. Вставайте, пора и нам, вам лучше перейти вон в ту лодку, где груза мало.

– Плыть долго?

– Ещё до заката успеете принять ванну и утолить голод.

В лодках уже разместились гребцы. Как только я и Фиделис переступили борт и сели на скамью, тут же опустились вёсла, и лодки заскользили прочь от берега, затем развернулись и пошли вдоль него.

– Фиделис, ты обещал рассказать о моих родных.

– О, простите, господин, – он придвинулся ближе и тихо, потому что, как он мне потом сказал, предназначались его слова только для моих ушей, другим слышать не положено.

Забегая вперёд, скажу, что Фиделису, видно его хозяин давал много воли, что можно было судить по свободной манере держать себя, и даже принимать решения, что говорило – парня не держат в строгих рамках бездумного исполнителя, а предоставляют возможность размышлять и делать выводы, чему я удивился. К тому же юноша резко и очень критично высказывался о сановниках, похоже, что ему много позволяли и, быть может, его окружал дух свободомыслия, который бывает далеко не в каждом доме. И ещё меня удивило редкое доверительное отношение Фиделиса, как слуги ко мне. Вначале я воспринимал всё глазами и сознанием моего времени, но потом оказалось, что в поместье, куда меня привезли, так заведено. И тон таким добрым взаимоотношениям задавал именно я? Думаю, что кто-то всё же другой, но почему-то меня принимали за него.

Фиделис начал рассказывать, точнее, шептать, напоминая мне то, что было известно в то время многим.

– ... ваш дедушка, его звали Горгоний, очень тосковал после смерти жены. Вы тоже очень любили бабушку и оплакивали её кончину. Чтобы развеять тоску, Горгоний решил вместе с вами провести своего брата, который жил в Карфагене. Вас сопровождал мой отец, Адолий. Вы благополучно прибыли в Африку и наслаждались гостеприимством родственников. А в это время, как оказалось к Риму подходило готское войско. Вёл его смелый и хитроумный вождь Аларих. Напуганные жители покидали италийскую землю, спасаясь в дальних провинциях империи. Вы же с дедушкой и Адолием вдаль от Рима избежали бедствий. Потом в народе говорили, да и до сих пор шепчутся старики, что беды можно было избежать. А началось всё с казни Стилихона, отважного полководца. Правда, был он варваром, из вандалов. Ну, так что же? Зато отстаивал интересы империи! Смело бился с другими вар-

варами, что посягали на границы нашего государства. Даже Аларих, несмотря на победу, которую одержал некогда над ним Стилихон, почитал его и считал своим другом. Но Стилихон оказался бессилён перед интригами. Так мне говорил отец и добавлял, что при всех бедах, постигших тогда римлян, многие обвиняли не готского вождя, а трусливых сенаторов и министров: Олимпия, и префекта Иовия, начальника императорской опочивальни евнуха Евсебия и командующего гвардией варвара Аллоибиха, да ещё равнодушного к страданиям своих подданных императора Флавия Гонория, правившего тогда. Аларих просил, и притом настойчиво, заключить мирный договор. Отец рассказывал, что министры самонадеянно отвергли переговоры, но и к войне готовиться не стали. В ответ Аларих перешёл Альпы, и победно шествовал по италийской земле.

Фиделис говорил, а перед моим мысленным взором вставали картины: по горным склонам, через проходы на перевалах спускаются воины...

– Говорят, – продолжал Фиделис, – недалеко от Римини встретил Аларих святого отшельника...

Словно вижу: на проторенной дороге старец в длинном одеянии остановился перед всадником, за которым многочисленный воинский отрядом... «Смелый вождь! Отчего топчешь италийскую землю и несёшь разор? Зачем стремишься потрясать устои не тобой установленные? Куда устремлены твои дерзновенные деяния?» Аларих ответил: «Какая-то сверхъестественная сила, непонятная мне, заставляет идти на Рим и не отступать...» Долго смотрел старец на вождя готов, и открылось ему, что этот грозный и великий гот – оружие в руках небесной силы, что Вечный город должен понести наказание за свои слабости и пороки. И вождь готов продолжал вести войско на юг, и римляне, некогда покорители мира не могли его остановить!

– Отец говорит, – продолжал Фиделис, – что двор императора находился в Равенне. Но её Аларих не стал осаждать. Он шёл на Рим. Именно этот город давно стал символом римского могущества и славы. И именно этот символ хотел победить Аларих. Тетр, вспомните, господин, это слуга в вашем римском доме, рассказывал нам: готы, дойдя до стен Рима, окружили их, и перекрыли все пути в город и никто не мог провести что-нибудь съедобное жителям. Римляне, само собой, негодовали. Нашлись подлые людишки, они якобы видели и слышали, что Серена, вдова Стилихона тайно посылает письма готскому вождю. Сенаторы, не посчитались с тем, что она была племянницей императора Феодосия и тёткой императора Гонория, что она любила и воспитывала его словно родная мать! Они не искали доказательств её виновности, а осудили на смерть за измену! Меня, хоть и называют зелёным и скороспелым за мои суждения о взрослых, но я всё-таки думаю, что сенаторы не были умными людьми, – сказал Фиделис, ещё понизив голос. – Но разве не глупо было надеяться, что с её смертью варвары отступят от стен города. Несчастную Серену удавили! Готы по-прежнему остались в своём лагере вокруг Рима.

По словам Тетра, да и других выживших слуг, римляне голодали. Голодно стало и богатым. Богачи меняли свои драгоценности на любое, даже подпорченное кушанье. От голода и плохой еды начались болезни. Люди буквально зверели, убивали друг друга и ели убитых! Многие умерли от голода. Но кладбище располагалось за пределами стен Рима, и мёртвые лежали в городе. Зловоние проникало в каждый дом. Тосканские прорицатели убеждали городского префекта Помпейяна, что надо принести жертву прежним богам, и тогда они смогут вызвать молнию, которая поразит готов. Вопрос о жертвоприношении обсуждали в сенат! Корыстолюбивый министр Олимпий послал двух послов: сенатора Василия и главного трибуна нотариусов Иоанна к Алариху.

Будто вижу двух холёных мужчин в римских тогах, они высокомерно взирают на поджарых и жилистых с обветренной кожей воинов. Один посол презрительно, веско и в то же время небрежно бросает: «Римляне не унизятся ни до войны, ни до мира!» Второй снисхо-

дительно добавляет: «Если вождь готов, Аларих не согласится на капитуляцию, то римляне смогут мужественно начать с ним борьбу!»

– Отец с горечью повторял мне не раз, что это были пустые слова, – вздохнул Фиделис. – Какая уж тут борьба, когда римляне больные, голодные и совсем обессиленные.

Действительно, Аларих на заявление послов громко расхохотался и бросил: «Чем гуще трава, тем легче косить». Потом посмеявшись всласть, стал серьёзным и твёрдо сказал: «Хотите, чтобы мы ушли? Везите золото и серебро! Всё золото и серебро, что есть в Риме! Кроме того, приведите всех рабов – варваров! Тогда мы уйдём». Послы взирали на Алариха с недоумением. Видимо, уразумели, что сказано не в шутку, лица подёрнулись гримасой страха, и они пролепетали: «Что же тогда останется у римлян?» Аларих окинул их долгим взглядом и ответил: «Ваша жизнь».

Я же посмотрел на этого интересного паренька, Фиделиса.

– Ты, восхищаешься Аларихом?

– По правде сказать, вы, верно заметили, господин. Но прошу покорно меня простить.

– За что ты просишь прощения?

– Как же, господин, ведь к Алариху надо относиться как к врагу, а не восхвалять его заслуги.

– Ты можешь не опасаться и рассказывать мне всё, я не стану осуждать, ведь ты рассказываешь для того, чтобы восстановить мою память. К тому же и враги бывают людьми достойными уважения, хотя далеко и не всегда.

– Да, господин, и отец также утверждает, но предупреждает, чтобы я поменьше болтал об этом.

– Что же к мудрым словам родителей прислушиваться очень полезно. А, что было дальше с римлянами и Алахиром?

– Аларих всё ж таки сжалился над голодающими и пропустил возы с продовольствием. Снова амбары римлян наполнились зерном. . . Но отец ваш не пережил голодную пору. Говорят, он с детства был слаб здоровьем. А ваша мать после этого тяжело болела, но выжила, вынесла и первую, и вторую осаду Рима, – Фиделис вздохнул, задумчиво посмотрел на воду, бегущую за бортом.

По четыре весла с каждой стороны лодки дружно опускались, и мы быстро продвигались вперёд, сопротивляясь течению. Вслед за нашей следовало ещё четыре шестивёсельных лодки, полных груза и людей.

– А дальше? – спросил я.

Тетр вспоминал, – продолжил юноша, – что Аларих посылал епископов к императору, умолял о мире, просил уберечь население от насилия и огня. Тетр до сих пор возмущается тем, что ни император, ни его министры не позаботились о жителях Рима. Разгневанный Аларих снова пошёл в поход, на этот раз подступил к пристани Остии. Он хотел признания не как вождя варваров, а как римского полководца, – так объяснял мне отец, – сказал Фиделис. – В Римском порту хранился зерновой хлеб, привезенный из африканской провинции. Аларих говорил, что уничтожит запасы. Страх перед голодом заставил сенат и народ принять требования готского вождя. Аларих настоял избрать другого императора вместо Гонория. Его выбор пал на префекта Аттала, который немедленно назначил Алариха начальником западных армий, а брата жены Алариха Атаульфа возвёл в графы дворцовой прислуги.

– И мечта Алариха сбылась, он стал римским военачальником, – добавил я.

– Наверное, но скоро Аларих разочаровался в Аттале. Близ Римини с Атталой сняли царские отличия и отослали Гонорию в знак мира и дружбы, – промолвил юноша уже с долей сожаления и разочарования в героя. – Но по-прежнему мира не достигли. Отец считает, что министры императора вели себя самонадеянно, но нерешительно. По рассказам старожилков последней каплей, переполнившей терпение Алариха, стало принятие Сара, тоже гот-

ского вождя, при дворе императора. Сар был не только противником Алариха, но и личным врагом Атаульфа. Незадолго до этого недалеко от ворот Равенны воины Сара разбили один из отрядов Алариха, и через герольда Сар объявил всем, что Аларих недостоин дружбы и союза императора. Ни министры, ни сам император не предприняли ничего, чтобы смягчить оскорблённую честь Алариха. И этот мудрый гот недоумевал... – Фиделис, увлечённый своим героем и рассказом рассуждал уже от лица Алариха. – Почему римляне не идут на мирное сотрудничество с ним? Почему всё время проволочки, колебания? Почему дружат с его врагом? Гордость и звание покорителей мира не дают уступить варвару! Но, ведь они видели, что он сильнее их! Он заставил тысячи и тысячи людей голодать. Жители великого города были в его власти! Они откупились! Но он хотел официального признания его власти. Ведь он смог даже назначить другого императора! Правда, выбор оказался неудачен. Но таковы претенденты. Лучших среди них, наверное, и не осталось. А его гордость! Сколько раз ему пришлось наступить на свою гордость во имя интересов готов! Он считал, что они храбрее и смелее римлян, и, что Римская империя существует благодаря варварам...

## II

Я смотрел на Фиделиса и удивлялся, если это розыгрыш, то юношу здорово информировали и он прекрасный актёр. Недалеко на берегу мимо проплывали разные постройки и все будто декорации из кинофильма о Древнем Мире, ни одной современной мне, ни одного человека в современной мне одежде, ни одного автомобиля. Если меня разыгрывают, то для чего такие размеры, такой масштаб? Я, конечно, не верил, что каким-то образом переместился на несколько веков, нет почти на полторы тысячи лет в прошлое.

Откуда у этого римского юноши восхищение человеком, который пытался захватить его родину? Что это? Восхищение подростка смелостью и отвагой, которую он не видел в своих соотечественниках или преклонение перед силой?

– ... действительно, империя, – Фиделис сменил тон на менее эмоциональный, но в котором проскальзывали грустные нотки, – представляет собой котёл, где смешались множество народов, как говорит мой отец. Он считает, что чистокровных римлян осталось мало, а варваров в империи давно большинство. Приток этой, по его словам новой свежей крови уже необходим дряхлеющему государству. На многих важных постах стоят римляне варварского происхождения, так объяснял мне отец.

Я посмотрел на наших гребцов, они хоть и работали усиленно, это и понятно, каждому хочется побыстрее добраться до дома, но в тоже время жадно прислушивались к рассказу Фиделиса, который не предназначался для их ушей, но увлечшись повествованием, юноша говорил всё громче и громче.

Мы обогнули крутой выступ берега – впереди сужающаяся водная дорога – речное русло. Вдоль берегов раскинулись разные по величине участки чьих-то усадеб и далеко не все выглядели ухоженными и возделанными, за деревьями или кустарниками или лоскутами пашни светлели постройки. Фиделис же продолжал:

– Отец считает, что Равенна Алариху не была нужна. Рим, Вечный Рим – символ могущества империи должен пасть, должен открыть ворота сильнейшему! Об этом наверняка мечтал вождь готы. И снова Аларих подступил к стенам Рима.

Фиделис рассказывал с таким воодушевлением, будто речь шла не о завоевателе – вожде варваров, а о легендарном герое Рима. Да, подростку нужны герои, нужно кем-то восхищаться и на кого-то равняться. *Но беда той стране, где люди стыдятся своих правителей, а дети берут пример с недавних врагов!*

– Страх у римлян рос и рос, они ощутили своё бессилие, – так говорил мне Тетр. – Кипучая энергия предков растворилась на безграничных просторах империи, на протяжении десятилетий и веков рассеивалась на территории завоёванных земель. Тетр считает, поэтому потомки великих завоевателей стали слабы, глупы, и беззащитны, – юноша произнёс это с таким сожалением и неудовлетворённой жадной гордостью своей родиной, что мне стало его жаль.

Как блестели глаза, и оживало лицо, когда он говорил об Аларихе! И как уныл у него вид и как печален взгляд, когда речь шла о неразумных действиях римских властей! Романтическая натура Фиделиса, которая проявилась в его рассказе, страдала от отсутствия подвигов земляков в его время. Он продолжал, стараясь говорить спокойнее, но сдерживаемые эмоции то и дело прорывались:

– Готские рабы ночью открыли ворота и впустили в Рим войско Алариха. Воины вбежали и вскоре подожгли дома по обе стороны от ворот, так вспоминали очевидцы, которые утверждали, что так варвары осветили себе путь. Когда ваша мать провела, что воины Алариха беспрепятственно разгуливают по улицам Рима и не получают никакого отпора, поняла, что РИМ побеждён окончательно! Великая империя погибла! Погиб дух величия и непобе-

димой славы! Сами готы, а среди них было немало ревностных христиан, судя по воспоминаниям, щадили прекрасные постройки, особенно церкви, да и людей не истязали. Но в войске Алариха кроме них находились гунны, сарматы, аланы, другие германские племена, которые были язычниками. Вот те не отличались особым милосердием, грабили, насиловали, убивали. Они, наконец-то дорвались до недоступного богатства повелителей народов!

Ваша мать решила, что пришёл конец римскому господству над миром, и скоро наступят иные времена, времена власти варваров. Увидела, что римляне не могут противостоять их напору, а значит неминуемо растворяться в них. Ужас объял её, словно она стояла на пороге конца света. Для неё это и было концом всего, чем она жила. Уходила её родная эпоха, а впереди – всё для неё чуждо. Мир её рухнул, а в другом она жить не хотела. Не смогла вынести потрясения. Если бы не её прощальное письмо, где она описала своё смятение и ужас от самого факта прихода варваров в Вечный город, то все подумали бы, что она погибла от их рук. Но это не так. Она сама остановила биение своего сердца ударом кинжала...

– Простите, господин, но, я думаю, ваша мать поторопилась оставить вас сиротой. Аларих через три дня увёл своё войско, и никакого конца света не произошло.

– Фиделис, ты прав, конца света нет. Но права и она, закончилась пора власти Рима над миром. Конец света, то есть разрушение привычного мира не всегда одномоментен, он может растянуться на годы, часто на десятилетия, а то и сотни и даже тысячи лет. Бывает, что современники и не замечают, что мир меняется кардинально, и внуки живут уже в совершенно иных условиях, чем их деды, и тем более прадеды, – ответил я.

– Однако ж, – возрился на меня Фиделис, – память у вас не совсем пропала и ничего подобного я раньше от вас не слышал.

– О, это загадки человеческого организма и возможности человеческого мозга, – попытался я вывернуться.

– Странно господин, и странно, что вы говорите, что моё мнение и утверждение вашей матери верно, но мы оба одновременно не можем быть правы!

– Бывает и так, – печально улыбнулся я.

Фиделис задумчиво смотрел на воду и берег, но похоже, что их и не видел, а думал о чем-то, возможно о моих словах или кого-то вспоминал. Потом встрепенулся.

– Господин, вот мы и прибыли, – радостно объявил юноша.

## Глава четвёртая. Знакомство с «отчим домом»

### I

Лодки причалили к берегу. Недалеко, метрах в двести с небольшим, сквозь листву и ветви обширного сада белели постройки. Оттуда к нам направилась толпа мужчин в светлых туниках. Моряки уже выгружали тюки и ящики. Аккуратно клали на прибрежную траву. А я спрашивал себя, кто же все эти люди? Между тем мужчины быстро подошли. Лица радостные, улыбочивые. Один из них, лет тридцати пяти, обнял подбежавшего к нему Фиделиса, заговорил со счастливой улыбкой, обращаясь ко мне:

– О, господин, рады видеть вас. Мы очень беспокоились. Вчера была ужасная гроза и буря. Но слава Господу, все живы и здоровы...

– Не совсем, отец, – прервал его Фиделис и рассказал, как «меня» ударила мачта по голове, после чего я лишился памяти.

– О, боже! Скорблю, мой господин! Но главное – голова цела, – и обратился к слугам. – Несите всю поклажу к дому. Будем сушить, сортировать.

Я брёл среди весело болтающих людей, которые делились новостями. Мы подошли к мощеной дорожке, которая разбивала сад на две части. Ветви деревьев сгибались от обилия груш и яблок, сквозь листву синели сливы. За деревьями шли ряды виноградника, любимые мной гроздья манили. В винограднике и возле деревьев суетились сборщики фруктов. Но, что меня больше всего удивило, это две длинные стеклянные теплицы между деревьями. Проходя мимо, я успел увидеть среди растущей там зелени арбузы и цветы. Я подумал, что это приметы моего времени, значит всё это маскарад и с облегчением вздохнул, решив продолжать игру.

– В этом году созрел обильный урожай, надеюсь, что он принесёт хороший доход, – сказал мне улыбающийся Адолий. Он явно был счастлив благополучным возвращением сына, и не отпускал его от себя... или так же был прекрасным актёром. Но зачем?..

– Уже наметили, сколько стоит оставить в имении и сколько отправить на рынок? – спросил я, чтобы поддержать разговор.

– Конечно, господин... что-то у вас говор изменился? О, простите.

– Да, я тоже воспринимаю произношение слов у других несколько отличающимся от моего. Видимо, это от удара по голове.

– Надеюсь, господин, что вы не очень пострадали.

– Немного голова временами кружится и подташнивает, наверное, сотрясение мозга.

– О, какой ужас! Я немедленно распоряжусь отправить повозку за лекарем.

– Спасибо, но давайте договоримся, что лекаря звать только после моего разрешения, а пока я его не давал.

– Но, господин?..

– Продолжим, что с урожаем?

– Да, господин. Как обычно одну треть свежих фруктов продадим, а остальное посушим для себя и на продажу, – кротко объяснил Адолий.

Возле большого белого дома нас ждали женщины, укутанные в светлые складчатые одежды до пят. С сияющими лицами встречали своих родных и радостно переговаривались. У меня спросили разрешения отпустить моряков к своим семьям. Адолий распорядился натопить баню и наполнить ванну для меня. Я попросил его позаботиться о товарах, потому что он лучше меня знал, что с ними делать, и оставить меня пока одного. Сам же я пошёл осматривать дом.

Вошёл в прекрасный холл, как потом узнал, это совсем не холл, а приёмный зал, который они называют атриум. Большая комната с живописью на стенах, с колоннами и скульптурами. Потолок разделён резными балками на квадратные углубления, из которых на меня взирали чёрно-белые изображения женских головок. Несмотря на красоту, потолок мне показался вначале странным, потому что скаты крыши опускались внутрь, образуя четырёхугольное отверстие. Под ним на белом мраморном полу находилось углубление немного большего размера, наполненное водой. Как умно сделано: дождевая вода с крыши течёт в дом, наполняя домашний колодец! На полу его окружал мозаичный орнамент. На стенах по низу шла тёмная полоса, по верху – светлая, а между ними – большие фрески, разделённые полосками с орнаментом из цветов и листьев. Фон фресок чередовался и был красного и жёлтого цветов. На них изображались пейзажи. Трёхмачтовый корабль взлетает на гребне волны, паруса спущены, мачты кренятся. «Судно бросают морские волны, а меня кто забросил сюда? И, что мне делать? – уныло думал я». На другой фреске – пирамидальные кипарисы росли среди домов с колонами и портиками.

«Неужели мне предстоит здесь жить?» – пришла мне в голову мысль, от которой пришёл в ужас, потому что стал осознавать, что это совсем не маскарад и никакая не игра. Понял, что это никакой не розыгрыш. Я в прошлом! В Древнем Риме! Но, почему? И каким образом?.. Всё же надежда, что не прав оставалась, скорей всего потому я не хотел верить в происшедшее.

На противоположной стене – натюрморт из даров моря. На двух тумбах разной высоты лежат раковины устриц, кальмары, большой краб, морские ёж и гребешок. Рядом с ними на полу из поваленной корзины высыпалась рыба. Одна из них отскочила дальше остальных и бьётся, выгибаясь и задыхаясь. «Вот и я как эта рыба, попался в силки времени, и также как она беспомощен. Она не может вернуться в родную стихию, и я не знаю, как вернуться в своё время». На последней, большой фреске изображена полноводная река с крутыми берегами и холмами, поросшими лесом. По левому берегу вокруг высокого холма извивается тропинка, которая переходит в мост, а затем продолжается на правом берегу реки, но чуть просматривается из-под сени деревьев, нависших над ней и разросшихся кустов. По мосту идёт путник с котомкой, он почти прошёл его и вот, вот ступит на правый берег. «И я тоже пересёк реку времени, а путь мой теряется из вида. Как идти? Куда? Как быть?.. А может, я паникую зря?..»

То, что меня принимают за другого, на которого, вероятно я очень похож, меня поражало не меньше, чем, то, что я попал в прошлое. И почему в Древний Рим? Интересно, какой сейчас год?.. Фиделис говорил об осаде Рима Аларихом... Когда же это произошло?.. Надо же попал в эпоху упадка! Последние десятилетия Римской империи! Когда же готы захватили Рим?.. Я читал ведь... Если не ошибаюсь, в 410 году, летом. Да, именно в августе 410 года. Сколько же лет прошло? Фиделис сказал, что он ещё не родился тогда. Выглядит он лет на шестнадцать. Значит сейчас... Но в каком году он родился?.. Вероятно теперь 427 или 428 год, а может и позже... Где тот, за которого меня здесь все принимают?.. А, если он отыщется, что тогда?

В конце зала на постаментах стояли скульптурные и живописные портреты.

– Это предки вашего рода, – прозвучал голос Фиделиса за моей спиной, а я от неожиданности вздрогнул.

– Задумался и не услышал, как ты подошёл, – сказал я.

– Баня натоплена, ванна наполнена, – ответил он и повёл меня по извилистому коридору.

## II

Фиделис привёл в просторную комнату, стены которой выложены серо-зелёным мрамором. В комнате стояла большая мраморная ванна на бронзовых ножках в виде львиных лап. Фиделис предложил мне раздеться и лечь на лежанку, а сам вышел. Я снял одежду и лег. В это время зашёл пожилой слуга, оказалось, это был растирщик, что-то вроде массажиста. Он понемногу лил масло из небольшого стеклянного сосуда с двумя ручками и втирал его в мою кожу. Сосуд висел возле лежанки на бронзовом кольце с застёжкой, представляющей собой две собачьи головы, вцепившиеся в кость. На кольце ещё висели ковш и три крюка, похожие больше на орудия пыток, чем на банные принадлежности. Я с опаской смотрел на эти крюки, и мне хотелось поскорее оттуда смыться.

Через комнату тянулись свинцовые трубы, от которых исходил жар. «Да, свинец внёс свою лепту в ухудшение здоровья римлян, – подумал я». Растирщик одним из этих крюков, то есть скребков, сняв его с кольца, стал соскребать грязь и масло с моей кожи. Потом я нырнул в тёплую ванну. От этих процедур я ощутил свежесть и лёгкость.

После моего купания пришёл Фиделис, и мы отправились в летнюю столовую в северной тенистой части дома. Вокруг уставленного блюдами большого круглого мраморного стола на трёх массивных бронзовых ножках в виде лошадиных ног с копытами, вместо привычных стульев располагались три софы. Увидев еду и почувствовав аппетитные ароматы, тогда только понял, что сильно проголодался. Я попросил Фиделиса позвать его отца и разделить со мной трапезу. На блюдах и подносах на столе лежали: отварная рыба, посыпанная семенами укропа и петрушки, обложенная половинками яиц; устрицы; чёрные каштаны; курица жаренная в тесте; дрозды со спаржей. Потом принесли варенное свиное вымя, которое я не стал есть, а также рагу из рыбы и жареного зайца. Есть приходилось полулежа на софе, очень непривычно и поэтому неудобно. В конце концов, я просто сел на софу. На десерт подали фрукты: желтоватые груши, яблоки с красными бочками, матово-синие сливы и зеленовато-желтоватый виноград, будто святящийся изнутри, а также печенье в форме лошадей и птиц. За десертом пили медовое вино, состоящее из смеси свежего виноградного сока, мёда и вина. Во время обеда мы говорили, так сказать на хозяйственно-бытовые темы. Адолий и Фиделис помогали мне «вспоминать» «моё» хозяйство.

## III

После обеда я пошёл обходить «свои» владения. Сад окружал дом с южной и западной сторон. От центрального входа на западной стороне через сад шла мощеная дорожка, за пределами усадьбы переходя в грунтовую и приближаясь вплотную к реке. По ней-то мы и шли, после того как приплыли. На юго-запад от хозяйского дома располагалось жилище Адолия и его семьи – аккуратный небольшой белый домик. Вдоль южной границы усадьбы лепились комнаты для рабов с маленькими окошками. Между ними и домом управляющего находилась людская – очень большая комната – столовая для рабов. Там же стояли виноградный и маслобойный pressesы. С восточной стороны дома разбит цветник, разделённый дорожками на треугольные клумбы. Цвели и благоухали: красные розы – символ любви и роскоши, белые розы – символ молчания, сиреневые фиалки – цветы Юпитера, красноватые гиацинты – «цветы дождя», скорби и печали – память о друге Аполлона Гиацинте, а также оранжево-красные маки, посвящённые богу сна Морфею. Я узнал, что к юго-восточной стороне хозяйского дома примыкает погреб для масла, на его чердаке хранятся горох, фасоль и бобы. К погребу пристроен амбар для зерна. За цветником, на восток и юго-восток раскинулось поле. Ещё амбар и кладовая примыкают к дому с северо-запада. В цветник с северо-востока вклиниваются комнаты для домашней прислуги. Рядом с ними пристроен большой птичник, где кудахчут куры, поют петухи, крикают утки и гогочут гуси. В клетках разгуливали пёстрые длиннохвостые фазаны. С северной стороны дома располагался двор, в центре которого был колодец. Во дворе возле корыт в тени лежали свиньи и сустились, хрюкая маленькие поросята. На северо-восток, между двором и пастбищем вытянулись: свинарник, овчарня и коровник. Овцы и коровы паслись на пастбище. К коровнику с северо-запада примыкает конюшня. Лошади бродили по лугу, которое переходило в пастбище. Луг с цветущим разнотравьем окружал двор и соприкасался с садом. Кроме парадного входа из дома можно было выйти из восточных дверей – в цветник, через него в поле или подойти к хозяйственным постройкам. Имелись двери: с северной стороны – во двор, и с южной – в сад и поле. Прогулявшись по усадьбе, я понял, что моё «новое» местожительство превосходно. Здесь есть всё для сытной и спокойной жизни. Дом и вся усадьба устроены удобно и рационально. И так я заделался помещиком? Но в праве ли я распоряжаться чужим имуществом?

Из объяснений Фиделиса и Адолия узнал, что «я» ещё занимаюсь и торговлей, морской оптовой торговлей! «Я» вожу италийские товары в провинцию Северная Африка, а точнее в Карфаген, отстроенный и заселённый римскими переселенцами. А оттуда карфагенские товары доставляю в императорский дворец. Такова традиция нашего рода – совмещать земледелие с торговлей. Торговые операции являются важным, если не сказать необходимым средством существования в определённом кругу римского общества. Когда-то «мои» предки ещё в период ранней империи, занимая посты сенаторов, были дружны с правящими династиями и, совершая рискованные путешествия в дальние страны, привозили невиданные в Риме вещи. Они поняли, что оптовая морская торговля – прибыльное дело. Сельское хозяйство в своих угодьях оставили на попечение управляющих, а сами занимались политикой и торговыми сделками с провинциями. Но отец «мой» отказался от политики и ограничил сферу своего торгового интереса Северной Африкой, так как в Карфагене жили его родственники, которых он любил навещать. «Я» продолжил дело отца. Но мне, лично мне как быть?

Надо продолжать торговые поездки? Ладно! Конечно, я мог заниматься чем угодно, или совсем ничем. Я же хозяин и никто мне не указ. Но с моим теперешним упадническим настроением бездействие – хуже всего. Я должен себя отвлечь от унылых мыслей, должен увлечь и загрузить себя работой, чтобы продолжать жить. Ведь могло быть хуже. Я не раб,

не бедняк, не покалечен... пока. По сути, у меня прекрасные условия для существования. Я должен ликовать, прыгать от радости! А я в полной растерянности... и на душе тошно. Что-то надо делать, а то хандра совсем съест. Продолжать традицию? А какая мне разница! В усадьбе Адолий хорошо управляется, а я подамся в Рим, у «меня» там, оказывается, тоже дом есть. Уцелевшие товары надо сбавить заказчикам, а потом в путь, за новой партией. Надо, надо побыстрее заняться делом. Раскисать нельзя. Ведь всё хорошо, просто великолепно и я должен быть счастлив! Не ныть и не гневить Бога и судьбу. А работать, работать, работать! Привыкать жить *здесь*.

## Глава пятая. В Риме

### I

С товарами нам повезло, большинство удалось спасти. Зерно пришлось оставить в усадьбе, оно очень пропиталось морской водой. Мне пришлось дать распоряжение, чтобы его отдали на корм скоту и птицам вперемешку с другой едой, предназначенной для них. Шерстяные пурпурные ткани, размотав полотна, женщины выстирали и высушили на лугу. Стекланные сосуды и разные баночки, и пузырьки с духами, благовониями, лечебными мазями и всяческими растирками так умело были упакованы, что на удивление разбилось очень мало. Через несколько дней я со слугами и Фиделисом отправился в Рим. Мы плыли по Тибру против течения. Приближаясь, к Риму меня всё больше поражали масштабы этого древнего города. Море зданий! И какие массивные! Фиделис пытался восстановить мою память и как экскурсовод рассказывал о сооружениях. Я слушал в пол-уха, поэтому мало что запомнил. Плыли мы мимо Эмпория, где находились склады, затем прошли невдалеке от Садов Цезаря и Авентина, одного из семи холмов, на котором возник Рим. Вдали величественно высились стены Большого цирка, расположенного в Мурциской долине между холмами Палатином и Авентином. Проплыли мимо форума Боариума – мясного рынка, обогнули храм Эскулапа, расположенный на одном из островов Тибра и посвящённого богу врачевания. Храм построили в конце III века до нашей эры в надежде, что статуя бога избавит жителей от чумы. Плыли мимо театра Марцелла, который стоит в конце масляного рынка. Построен этот театр Августом в I веке до нашей эры в честь своего племянника. Остановились же мы в районе театра Бальба. Далее наш путь лежал по улицам города. Я буквально ошарашен архитектурой, что окружала нас. Украшенные резьбой колонны и портики, массивные арки, акведуки – всё это подавляло. Перед этой демонстрацией величия, могущества и славы я казался себе ничтожным, потерянным и затерянным во времени. Также, наверное, себя чувствовали и так называемые варвары, впервые попавшие в столицу империи.

Мы шли к «моему» дому. Но почему так много народа на улицах? Может быть, какое-то важное событие заставило жителей покинуть свои дома? Такая суета, как в крупном городе, в моём времени, только улицы здесь уже.

– Никакого события нет, – невозмутимо ответил Фиделис и добавил. – В Риме всегда так. В усадьбе лучше, просторнее, но здесь красиво.

Это уж точно, великолепие зданий поражало! Эх, жаль, что нет фотоаппарата!.. И Колизей совсем целёхонький! Мы проходили мимо этого знаменитого здания. Но кроме величественных зданий в Риме были и свои «хрущобы». Узкие, обшарпанные двух-, трёх-, четырёхэтажные дома с редкими маленькими окошками лепились друг к другу, соприкасаясь крышами. Изредка попадались разбитые колонны и стены некогда величественных зданий. Я видел, как возле одного из таких велось строительство христианского храма. А камень строители брали из соседней «каменоломни» – они попросту рушили древний, ещё крепкий языческий храм.

Я замедлил шаги и с любопытством рассматривал остатки стен, которые соединяли две большие арки, ещё не рухнувшие. Над одной начертано, точнее выбито в камне слово Януарис. Ах, да так латиняне называли бога, что властвовал над миром до Юпитера. В упрощённом варианте учёные называют его Янусом, он ещё почитался как бог времени, именно в его власти были месяцы, дни и годы.

– Фиделис, а ты знаешь, что это за развалины?

– Нет, господин. Как можно знать, если, как вы сказали это развалины.

– Но это здание, похоже, ещё недавно было целым или почти.

– Не замечал, господин.

– Так вот, Фиделис, в древности этот храм наверняка пользовался большим почётом, ещё бы, ведь Януарис, которому он посвящён, мог разгневаться и послать плохой год, поэтому его задабривали сладостями и пирогами, чтобы год был сладким и счастливым. Кстати, месяц январь получил своё наименование в честь этого бога.

– Странная у вас память, господин. Вы помните то, чего и не надо.

– Как же не надо, ведь это же история Рима, история страны, где ты живёшь!

– Не гневайтесь, господин.

– Я и гневаюсь, не беспокойся, но мне не нравятся люди равнодушные к истории и знаниям своей родины.

– Вы правы, господин, но из этих знаний похлёбку не сварить.

– Надо же какой ты практичный. И теперь я спокоен, что у меня есть ты, моя опора в мире, о котором я забыл.

Фиделис смутился и старался сдержать улыбку от удовольствия.

– Но всё же и меня тоже слушай, – добавил я, – потому что знания никогда не бывают лишними.

Я попытался заглянуть внутрь храма, но там валялись кучи битого камня, лишь в середине оставался большой пьедестал с трещинами по бокам и я сказал Фиделису:

– Наверняка, на нем, – указывая на пьедестал, – стояла статуя бога Януариса. Скульпторы делали эту статую с двумя лицами, обращёнными в противоположные стороны, к входу и выходу, потому что он покровительствовал над ними. А на руках обозначали числа: на одной – 300, а на другой – 65, число дней в году. Януарис контролировал прошлое и будущее. И, когда войны не велись врата храма стояли на запоре.

– Ну, теперь бы они были распахнуты настезь, – промолвил Фиделис с грустью. – Сколько себя помню, где-то воюют, почти во всех провинциях, то в одной, то в другой, то сразу в нескольких, да и на италийской земле тоже.

Мы отправились дальше. Наконец подошли на улице хлеботорговцев к «моему» дому, похожему на тот, что находился в усадьбе, только меньшего размера. Окружал его совсем маленький садик. Внутри дома также красиво и уютно.

Я поймал себя на том, что уже стал привыкать, даже более того пребывание *здесь* меньше тяготило и не казалось противоестественным! Заметив это, удивился, не слишком ли быстро? А может я жил здесь в прошлой жизни? Не знаю, ничего не знаю и не понимаю.

## II

На следующий день решил познакомиться со своими соседями. Послал Фиделиса к ним с приглашением на обед. Стол накрыли в гостиной, очень хорошо освещённой солнечными лучами, проходящими сквозь стёкла четырёх окон, выходящих на южную и западную стороны. Одна из дверей гостиной открывалась в небольшой внутренний дворик с маленьким водоёмом. Перед обедом я принял ванну, так *тут* заведено.

Вошёл первый гость. Он тут же обратился ко мне, как старому знакомому. Значит, я правильно сделал, что пригласил соседей. Вошедшего звали Гален Домиций Литор, на вид ему около пятидесяти лет, упитанный с крупными чертами лица и остатками кучерявых темных волос на затылке. За ним последовала супружеская пара Сканд и Юста Цит, им немного за тридцать. Юста поджарая, с орлиным носом, одета в фиолетовую паллу, обнажённые крепкие руки прикрыла большим цветастым платком, обмотанным вокруг шеи. Волнистые чёрные волосы переплетены и уложены в пучок. Голову украшал ободок в виде небольшой золоченой короны. Чёрные глаза из-под изогнутых бровей так и буравили. «Похожа на ведьму», – мелькнуло у меня. Её муж являл собой почти полную противоположность: небольшого роста, толстенький, с лоснящейся кожей, в светло-русом парике. Маленькими серенькими глазками осматривался вокруг, в поисках каких-либо изменений за время своего отсутствия. Оказывается, они тоже частые гости. Вся наружность его была не столько добродушна, сколько безвольная. Явно заметно, что Юста над мужем верховодила.

Следующим вошёл Мальв Преп, лет пятидесяти пяти – пятидесяти семи, важный, осанистый. Он привёл с собой двух сыновей: Фому, вероятно, ровесник мне, лет двадцати шести-двадцати семи, и младшего Фабла. Почти одновременно с ними появились в дверях Марк Колоций, седой и тучный старик, его жена Юлия, закутанная в многочисленные драпировки клетчатой одежды. На голове – складки красивого светлого покрывала с зеленоватой бахромой. С ними пришёл внук Непос, лет семнадцати, унылый, вялый и бледный юноша со скучающим видом.

Последними робко вошли две женщины, укутанные с головы до ног в складки светлой одежды. Это самые ближайшие соседи: мать и дочь. Мать звали Епифанией, милая и тихая женщина, ей, наверное, лет сорок или около того, возможно, чуть больше. Её дочь – Ксения, лет шестнадцати-семнадцати, скромное создание с живыми голубыми глазами, которые она частенько опускала.

Мы все прошли в гостиную, где нас ожидали жареные фазаны, зайцы, грибы, а в центре лежал кабан, обложенный петрушкой и укропом. Слуга принёс стеклянную амфору с надписью «Фалернское» и разлил вино по серебряным чашам. Мы с гостями разместились на диванчиках и софах вокруг большого круглого стола. Гости выказывали свою радость моему возвращению. Думаю не все искренно. Сканд всё больше сокрушался на то, что его службу на благо империи оплачивают всё больше «натурой», то есть, продуктами, готовой одеждой, обстановкой. А денег не платят совсем.

– А я хочу сам выбирать, сам покупать, – стучал маленьким кулачком Сканд. – А мне навязывают вещи, которые мне не по душе, не по вкусу!

– Это не беда. Вот налоги растут и растут, вот что худо! Как бы совсем не разориться. Ведь есть примеры, – озабочено возразил Марк Комиций, обгладывая ножку зайца. – А как хочется блеснуть, как нашим дедам и прадедам удавалось! Всё казна забирает, а как не отдать?

– А я и не отдаю, – откровенно и нагло вставил Мальв Преп, аккуратно разламывая фазана.

– Ну, ты богат, поэтому и силён, и свою волю гнёшь, – сказал Марк.

– Поэтому и богат, что не спешу налоги оплачивать.

– Налоги велики, но не меньше огорчения и хлопот доставляет бегство рабов, – сказала Юста, отщипывая от куска свинины, который она держала в руках.

– Да, что рабы! Колоны и ремесленники из поместья убегают! – добавил Гален Домиций, раскрывая створки моллюска. – Они жалуются, что им тяжело жить! А нам легко? И куда они бегут?! К варварам!

– Варвары! Они заполонили весь Рим! Уже римляне выглядят как варвары, вон мои сыновья тому пример – одеты по варварской моде! – Мальв Преп кивнул на Фому и Фабла, которые одеты в брюки и рубахи с рукавами.

Я слушал своих гостей, а сам частенько бросал взоры на Ксению и удивлялся, почему трое юношей на неё не обращают внимания. Она такая хорошенькая. Епифания, иногда поддакивая, соглашалась с кем-нибудь из гостей. Мать с дочерью – красавицы: у Епифании тёмно-каштановые волосы густо посеребрены, особенно у висков; Ксения, на первый взгляд, похожа на мать, только глаза у неё не светло-карие, как у матери, а цвета небесного свода в прохладный, но солнечный день и волосы светло-русые. И такая она вся хрупкая, нежная. Именно такими я и представлял римлян. Но кроме этих двоих внешность остальных моих гостей, да и тех, что я видел на улицах Рима, будто вытесана топором или неумелой рукой. Где же хваленая римская красота? Мне захотелось узнать о Ксении побольше, она мне напоминала что-то родное и знакомое. Я недоумевал. Потом понял: она похожа на русскую, как ещё говорят, у неё славянский тип. Ведь есть в лицах русских людей что-то такое, что отличает их от иностранцев. Видимо, природа или Бог продолжали со мной свои игры. Во мне проснулся интерес к Ксении и её семье. Но как с ними поближе сойтись, я ещё не придумал, наверняка, – это не просто. Явно чувствуется, что Епифания с дочерью держат дистанцию с остальными, я имею в виду тех, кто присутствовал у меня на «вечеринке». А мне хотелось бы общаться с ними запросто. Я надеялся, что время, хоть в этом случае, будет на моей стороне.

Только успел я распрощаться с гостями после обеда, как часа в четыре дня меня навестили шесть человек, рассыпаясь в поздравлениях благополучного возвращения, и всё повторяли льстивым тоном, от которого становилось тошно: «Здравствуй хозяин, здравствуй царь!». Спрашивали, нет ли у меня поручений для них. Они извинялись, что не пришли утром, как это положено, потому что поздно узнали о моём прибытии в Рим. С помощью старого слуги дома Тетра мне удалось их выпроводить. Посетители, так называемые клиенты, по сути, не столько приживалы, сколько нахлебники, не желающие работать и обеспечивающие себя тем, что шатаются по богатым домам, ищут покровительство у состоятельных хозяев. Я их хотел прогнать совсем, но Фиделис и Тетр рассоветовали, объяснив, что количество клиентов, так же как и количество рабов и колонов, говорит о состоянии римлянина. И чем их больше, тем больше уважения к их хозяину. Пришлось уступить, хотя мне эта система и не нравилась. Что ж, со своим уставом в чужой монастырь не ходят. Потом слуги принялись укладывать и упаковывать товары для отправки во дворец императора.

### III

Утром следующего дня я в резной колеснице, запряжённой двумя лошадьми, направился к дворцу. За мной следовала повозка с грузом, которой правил Тетр, а рядом с ним сидел Фиделис. Мы приближались к Палатинскому холму, где располагалась резиденция императора. Тесных бедных кварталов поблизости нет. Вокруг только роскошные дома богачей, дворцы императоров, храмы и базилики. Красота, мощь и величие обступают со всех сторон. Я уже ощущал гордость за это каменное великолепие.

Тетр оставил вместо себя Фиделиса, а сам перебрался ко мне в колесницу и направил её по знакомой дороге к известному ему входу. Так как я всё ещё «страдал потерей памяти», то «мои» слуги взяли дело в свои руки. Они оба бывали здесь со «мною» раньше.

Со слугами мне повезло, по правде сказать, слугами их не считал, а относился как к служащим. Иначе не мог. И если бы им вздумалось выдвинуть какие-нибудь требования, то я постарался бы облегчить им жизнь и удовлетворить запросы. Ну, а если бы у меня не было такой возможности, то честно признался бы в этом и предложил выбор: остаться или искать для себя место получше. На каком основании я могу заставлять прислуживать себе? Забегая вперёд, скажу, что, рискуя быть непонятым и не признанным в римском обществе, я дал всем «моим» рабам вольную. Имел ли я право распоряжаться чужой собственностью? Не знаю, и одобрил бы меня настоящий их хозяин? Возможно, что и нет... Я не выношу раболепия, чиновничества. Конечно же, я не афишировал свои взгляды. И на недоуменные вопросы соседей: «Почему рабам дал вольную?», отвечал: «Блажь моя такая». Вот этим-то никого не удивишь, странные капризы – почти норма жизни богачей. С верующими во Христа было проще, потому что они считали освобождение раба равносильно освобождению души.

Меня удивило то, что став свободными, мало кто из бывших рабов ушёл из «моего» поместья и римского дома. До меня дошли слухи, что работники, так я их теперь называл, относятся ко мне как к «доброму хозяину». Что их остановило? Это или другие обстоятельства, но, говоря канцелярским языком XX и начала XXI веков, «проблема кадров передо мной не стояла».

Тетр тоже был рабом и тоже остался. Когда получал вольную, плакал как и другие. Свобода – заветная, но неосуществимая мечта всех рабов. Тетр родился в поместье, родился рабом. Но родители его когда-то были свободные. Отец Тетра, галл по происхождению, вынужден был ещё совсем юным встать на защиту своего племени. Но римляне одержали победу и пленённые галлы стали рабами. Его мать – из какого-то сарматского племени. Её, маленькую девочку, нашли в обозе римские воины, победившие сарматов, которые в союзе с квадами, одним из древнегерманских племён, и в союзе со свевами нарушали «покой» Римской империи. Их, юношу-галла и девочку-сарматку, в разное время купил «мой» дедушка. В поместье они встретились уже рабами, но всю жизнь помнили вольное детство, любовь родителей. Прошли годы, они полюбили друг друга. Хозяин разрешил им пожениться. Они смогли воспитать в своих детях (у Тетра есть старший брат и младшая сестра) чувство человеческого достоинства, почти отсутствующее у потомственных рабов. К сожалению, родители рано умерли и не увидели внуков. Как бы их обрадовала весть, что дети уже не рабы, а внуки – свободные граждане Рима! Тетр даже забыл имя, которым назвала его мать. Тетр – это прозвище, которое ему дал друг отца – грек, учитель хозяйского сына и тоже раб. А называл его так, потому что малыш долго не мог ходить ножками, а ползал на четвереньках. Тетра по-гречески означает четыре. Так прозвище Тетр к нему и прилипло, вытеснив настоящее имя, давно всеми забытое. Тетру сорок восемь лет, он ещё крепок и бодр, хотя и совсем седой. Галльские и сарматские корни переплелись и породили удивительную красоту. Да и теперь мужчина представительный и привлекательный, не подумаешь, что всю жизнь был

рабом. А как на него смотрят женщины! Позавидуешь! Четыре года назад овдовел. У него два сына красавца и пятеро хорошеньких внучат. Все они тоже не захотели покинуть бывшего хозяина, то есть, меня. Тетр – незаменимый помощник, благодаря его советам и напоминаниям, я избежал многих неприятностей и недоразумений. Он знает город, знает дом и соседей, моих заказчиков и клиентов, «коллег по бизнесу» и конкурентов. В общем Тетр и Фиделис – главные навигаторы в моей «новой» жизни. А поместьем прекрасно управляет Адолий.

## IV

Наконец, мы подъехали к дворцу, остановились у огромных резных дверей. Тетр назвал «моё» имя и добавил, что привезены товары из Карфагена, которые заказывала госпожа. Через несколько минут нас впустили в приёмный зал, украшенный фресками, барельефами, колоннами из розового мрамора и статуями. Скажу честно, в этих покоях, окуренных благовониями, меня объяла какая-то нервная дрожь. Шутка ли – я в императорском дворце при живом императоре, и хоть он ещё ребёнок, но сейчас мне предстояла встреча с его матерью, известной личностью в истории Рима. Тетр говорил, что она всегда сама выходит вместе с женщинами своего двора выбирать новые товары. От волнения у меня леденели кисти рук и ступни, а голова горела. Чтобы отвлечься, стал помогать Тетру. Мы раскладывали стеклянные сосуды на мраморные столы с фиолетовыми прожилками; баночки и пузырьки с маслами, духами, благовониями, мазями – на изящные столики с тонкими гнутыми ножками. Все ножки в столах и креслах сделаны в виде ног и лап разных животных. Тюки с тканями уложили на длинные резные лавки с инкрустациями из слоновой кости и перламутра.

На удивление быстро послышались шаги и шуршание шелковой ткани. В зал вошла женщина лет тридцати восьми в пурпурном платье. Голову покрывал пурпурный платок с кистями, обмотанный вокруг шеи. За ней шла толпа женщин в цветных одеждах. Сквозь большие окна свет хорошо проникал в просторную залу, придавая блеск золотым украшениям: на каждом пальце женщин по два, а то и по три перстня, на руках изумительные золотые и серебряные браслеты, на шеях разнообразные ожерелья, на головах ажурные золотые ободки и сетки. Среди женщин больше половины золотоволосых, причём, все темнوبرовые и кареглазые. Но внимательно присмотревшись, я слегка удивился, потому что понял – волосы у них окрашены, так как виднелись тёмные отрастающие корни волос.

Я приветствовал их, как мне «напомнил» Тетр, сам же он склонился в глубоком поклоне. Они ответили, улыбаясь, как старому знакомому и живо принялись разглядывать новинки. Дама в пурпурном хороша, но какая-то печать усталости лежала на её красивых чертах, словно она несёт непосильный груз или утомлена безвыходностью неразрешимых проблем. Эта женщина вместе с другими рассматривала ткани и сосуды, принялась к баночкам и склянкам. Выбрав немало, дала распоряжение евнуху, чтобы товары отнесли в её покои, а также чтобы он расплатился со мной. Потом она предложила мне пройти с ней в другую комнату.

Мы вошли в небольшую залу также роскошно обставленную и украшенную.

– Максим, я слышала, твой корабль попал в бурю и разбился, и рада видеть тебя живым и невредимым.

– Нам повезло, что шторм настиг нас почти у берега.

– Ты только что избежал несчастья, а у меня к тебе новая важная просьба, которая снова выгонит тебя в море. Тебе нужен отдых, я понимаю, и если не согласишься – это твоё право... Но тут государственное дело...

«Просьба у власть имущих равносильна приказу, и значит, надо соглашаться», – подумал я.

– Госпожа, я в отдыхе не нуждаюсь и могу снова отправиться в путь.

– Спасибо, Максим, я на тебя надеялась и верила, что ты не подведёшь свою госпожу. Просьба вот такая: мне нужен Бонифаций.

Видимо, удивление и непонимание очень явно изобразилось на моём лице.

– Да, – повторила она. – Мне срочно нужен Бонифаций. Я посылала к нему курьеров, но он в Рим не возвращается! Поэтому я и решила послать к нему тех, кого он давно знает и кому доверяет, чтобы поверил через них, что я ему желаю добра, а зла не замышляю. Но он

мне нужен здесь, а Карфаген... там по сравнению с другими провинциями тихо и спокойно. Бонифаций нужен Италийской земле. Хочу, чтобы был защитой нам от необузданных варваров.

– Так мне ехать в Карфаген за Бонифацием?

Она кивнула.

– Конечно, я отправлюсь туда в самое ближайшее время и вашу волю передам ему. Но, если Бонифаций снова воспротивится и не выполнит наказ?

– О, умоли его самыми сладчайшими речами, скажи, что я клянусь не причинять ему вреда, и это на самом деле так!

– Не уверен, что смогу убедить его, а если он не согласится?

– Максим, ты поедешь не один. Присоединятся и другие приятели Бонифация. И вы, клянясь старой дружбой, уговорите его в несколько голосов. К тебе и к ним он благосклонен и должен понять и поверить, что мы не заманиваем в ловушку, а лишь хотим видеть его подле нас.

Похоже, что она говорила искренно, во всяком случае, я поверил и согласился на её просьбу, а что мне ещё оставалось делать...

– Я знал её раньше? – спросил у слуг, когда вышли из дворца.

– Конечно, господин, – ответил Фиделис, влезая в повозку.

– Галла Плацидия, господин, – ваш главный заказчик, – дополнил Тетр. – Товары-то в основном для семьи императора, ну, если они позволят, другим тоже что-нибудь достанется.

– А что же император не вышел к нам?

– Да, что ему, он ещё мальчик, что он в этом понимает. К тому же, этим должна заниматься женщина, мать или жена, – ответил Тетр, и мы тронулись в обратный путь.

– Тетр, а сколько лет императору?

– Девять исполнилось, пошёл десятый – всем известно.

«Значит фактическая власть у его матери», – подумал я, а вслух спросил.

– Тетр, ты что-нибудь знаешь о Галле Плацидии?

– Как не знать, женщина известная – дочь императора, сестра императоров. Два раза была отдана замуж против своей воли, два раза овдовела. Жила в Константинополе, была в плену у варваров.

– Да, жизнь её легкой и беззаботной назвать нельзя. Расскажи подробнее.

Мимо не спеша проплывали грандиозные постройки Великого Рима. Куда-то беспрестанно шли люди, сторонясь и пропуская повозки, продавцы зазывали покупателей в лавки, кто-то с кем-то спорил, иногда проходили воины и проезжали всадники, несли рабы носилки с хозяевами, бегали полуголые мальчишки. Чужая жизнь окружала меня со всех сторон. Тем временем Тетр рассказывал.

– Великий Феодосий, богобоязненный император, покинул этот свет рано, – начал вспоминать Тетр. – Его младшей дочери, Галле Плацидии тогда минуло всего лишь шесть лет. Юными были и её братья, между которыми венценосный отец разделил империю. Видимо, заметил он слабость их и враждебность друг к другу. Дабы не погубили себя и великое государство, определил им отдельные владения. Но семью не соединил, и любви между братьями не породил. Видимо, такими они уродились. Жили далече друг от друга. Гонорий двор держал в Равенне, Аркадий правил в Восточной империи, а их младшая сестра жила в Риме. Прошло пятнадцать лет, и Риму стал угрожать дерзкий готский вождь. Аркадий в далёком Константинополе к тому времени уж второй год, как умер, его наследник – малолетний император, совсем крошка – сирота, мать скончалась ещё раньше. Гонорий из близкой Равенны спасать Галлу не спешил. Алариху удалось взять Рим. Среди награбленных сокровищ варвары увозили и сестру императора.

– Бедняжка угодила в плен, представляю, каково ей было: из хозяйки дворца – в пленницы, – посочувствовал я.

– Но готов хулить нельзя, они с ней обращались уважительно. Аларих умер, его место занял Атаульф. Молодой вдовец желал взять Галлу в жёны. Она не хотела замуж, но пленница свою судьбу решать не могла. Говорят, свадьба была царская. Пятьдесят юных воинов преподнесли ей дар от жениха – сто чаш наполненных золотыми изделиями, монетами и драгоценными камнями. Награбленное в Риме вернулось к прежней хозяйке.

Хоть и вначале Галла сопротивлялась замужеству с варваром, но полюбился ей Атаульф. Красотой, умом и щедростью покориł её сердце. Да и как устоять девушке против такого молодца. Уж как был хорош собой!

– Тетр, ты, что его видел?

– Видел. Он был роста небольшого, но строен и лицом пригож, в теле чувствовалась сила. Мужественная красота и благолепие во взоре. К тому же, выдающегося ума, что очень важно для правителя. Воевать с империей отказался, решил быть союзником римлян и с помощью своих воинов укрепить Римское государство, тем самым добыть себе славу. Так, без усилий императоров готы усмирились, и Галла Плацидия стала их правительницей.

Когда Атаульф узнал, что империя может потерять одну из обширных провинций – Испанию, то немедля бросился туда. Захватил мятежную Барселону<sup>1</sup> и усмирил провинцию. Бог дал Атаульфу и Галле сыночка, которого они назвали в честь последнего императора единой Римской империи. Но недолго длилось счастье родителей. В одной из церквей Барцеллоны покоится маленький Феодосий. Бог прибрал его, быть может, спасая от худшей участи. Недолговечным было и семейное счастье Галлы. Успех и власть не бывают без завистников. Вот и у Атаульфа оказался тайный враг – Сингерих. Сообщники злодея убили любимого мужа Галлы, славного и мудрого правителя западных готов. Вероломный узурпатор приказал умертвить шестерых детей Атаульфа от первого брака. А Галлу Плацидию лишил всех её привилегий и выгнал из дворца, построенного Атаульфом. Спустя пять лет снова стала пленницей, но на этот раз у жестокого и грубого Сингериха. Мстительный правитель погнал пленников из Барцеллоны... – Тетр говорил, а мне представлялось...

По грунтовой дороге плетётся группа невольников. Руки каждого из них связаны. Среди мужчин есть несколько женщин. Одежда многих мужчин местами порвана и запачкана пятнами запёкшейся крови. На лицах и открытых участках тел синяки, ссадины и порезы от многочисленных ударов во время схватки с приверженцами Сингериха. Мужчины – соратники покойного Атаульфа, побеждённые коварным врагом. Женщины, поникшие и испуганные, прижимаются и стараются поддержать хрупкую темноволосую даму, которая стремится идти ровно, несмотря на встречный ветер, что пытается их сбить. Вихри поднимают пыль, бросают в лица путникам, песок забивается под ступни их лёгкой обуви, густая трава хлещет ноги. Они идут, идут, потому что иначе – смерть. Идут, потому что так хочет враг, который оказался изворотливым хитрецом. Он сейчас рядом с ними, гарцует на коне вместе с приспешниками, что большим отрядом идут вслед. Сингерих доволен и не скрывает торжествующей улыбки. Он на вершине славы! Одолел самого Атаульфа! Храбрый и доверчивый Атаульф повержен, и истреблено его семя. В его, Сингериха руках, женщина из могущественного римского императорского рода! И она полностью в его власти! Никто не помешает ему править готами!.. Невольники, не ведающие своей судьбы, терпеливо идут...

– Но век злодея недолог, – продолжал Тетр. – Всего лишь семь дней Сингерих упивался властью. Вождём готов стал Валлий. Очередной узурпатор видел в Галле Плацидии ценный товар и решил сбывать с пользой. По требованию Валлия за свободу сестры Гоно-

---

<sup>1</sup> Ныне – город Барселона

рий выдал шестьсот тысяч мер пшеницы. Когда зерно привезли готам, тогда пленницу отпустили, отправили ко двору её брата в Равенну.

– И, наконец, несчастная молодая вдова обрела свободу, – заключил я.

– Женская свобода коротка, – печально изрёк Тетр. – Куда денешься из-под воли отца? Отца нет – так мужа. Мужа нет – так брата. А уж, если брат император, то сестра, всё равно, что раба. Возвращению Элии Галлы больше всех обрадовался Констанций Флавий – умнейший муж и полководец, каких мало! Родом был он иллириец из красивого, но далёкого дакийского городка Наиса. Уж много лет мечтал о браке с сестрой Гонория. Ещё до замужества и пленения просил её руки. Но, увы, Элия Галла его не любила. Констанция отказ любимой не остановил, и он не раз обращался с этой просьбой к Гонорию. Император не прочь избавиться от хлопот, связанных с сестрой, за которую пришлось так дорого заплатить. Да и как он мог отказать столь надёжному защитнику от неистовых варваров и самовольных тиранов, претендующих на престол. И ещё Гонорию хотелось, чтобы государством правили потомки их рода, но ни Мария, его первая жена, умершая совсем юной, ни Терманция, её сестра и его вторая жена не родили ему, не обрадовали наследником. Осталась надежда на сестру, её надо поскорее выдать замуж, и все проблемы будут решены.

Но Элия Галла Плацидия всё ещё помнила и любила покойного мужа. Невольно сравнивала Констанция с покойным Атаульфом, первый явно проигрывал последнему. Варвар был краше римлянина и телом, и лицом. Коренастый Констанций казался ниже своего роста, а невысокий Атаульф был мускулист, но строен и изящен. Галла помнила и тосковала по сильным и нежным рукам мужа, его объятьям и ласкам. И, глядя на пучеглазого Констанция, она не могла забыть смеющихся выразительных серых глаз Атаульфа, его милой улыбки. Ей нравилось гладить мужа по шелковистым длинным волосам, расчёсывать их, любоваться его профилем. Плоская голова с толстым затылком Констанция и его взгляд исподлобья лишь вызвали горькие воспоминания безвозвратно потерянного счастья. Но с императором не поспоришь. Ему надоело слушать её доводы. Однажды, когда в очередной раз пришёл к нему Констанций всё с той же просьбой, Гонорий вызвал сестру, взял её руку и передал Констанцию. И вот не прошло и полтора лет после смерти любимого мужа, как снова стоит она у алтаря и произносит брачную клятву. В тот же год, девять месяцев спустя, родила дочку. А через год с небольшим появился и наследник, нынешний император.

– И в новой семье забылись прошлые тревоги?

– Не совсем. Как ни хорош и полезен был для государства Констанций, но любви у Галлы не было к нему, хоть и уважала. А для супруга это важно. Прошло четыре года после заключения их брака и бездетный Гонорий, ещё совсем не старый, но уже больной, объявил своим соправителем Констанция и дал ему титул августа. Вскоре они оба объявили августой и Галлу.

– Прекрасно! Вот теперь уж должна начаться счастливая жизнь!

– Совсем наоборот, – грустно продолжил Тетр. – Придворная жизнь и этикет не по нраву пришлись Констанцию. Из щедрого дарителя он превратился в скупого сребролюбца. Он привык отчитываться только в государственных делах, а в личных имел полную свободу, но теперь почувствовал себя рабом правил и указаний. Придворный этикет связал пылкую натуру, привыкшую к походам и сражениям. Лев в золоченой клетке затосковал и стал чахнуть. Стало ему тяжело дышать. В лёгких развилась болезнь, и он скоро умер. Всего семь месяцев правил Констанций вместе с Гонорием. А об императоре поползли глупые слухи. Не только в Равенне, но и в Риме худо толковали о нём. Говорили, будто бы он воспылал страстью к своей сестре. Император то ли от греха, то ли, чтоб унять глупые словеса, отослал сестру с детьми в Константинополь. А через два года, в тридцать девять лет умер от водянки.

В то время в Рим вернулся молодой офицер гвардии Аэций, честолюбивый сверх меры. Завидная судьба Стилихона ему не давала покоя. Хотел править империей, как Стилихон правил, помогая Гонорию. Только лишь поэтому поддержал кандидатуру Иоанна, ничем особо не выдающегося государственного служащего. Иоанна провозгласили императором, который назначил Аэция смотрителем дворца. Некоторые называли Иоанна узурпатором. Он не соответствовал этому злому слову. Наоборот, имел кроткий и терпеливый нрав, но мог при необходимости действовать решительно. В своих поступках руководствовался разумом и государственной пользой. Я ни от кого не слышал, чтобы за время его правления кто-либо был лишён имущества, а тем более казнён. Нет, о, боже мой, он даже доносчиков не слушал. Но Феодосий, сын Аркадия, брата Галлы считал законным наследником Валентиниана, сына Галла и Констанция III, поэтому выслал войско свергнуть Иоанна. Тогда Иоанн прибег к помощи Аэция и упросил его отправиться к гуннам за помощью. Аэций несколько лет до того прожил заложником в степях Паннонии, где располагались три улуса гуннов, у их главного хана Роила. Там он подружился со степняками, и они по его зову, а вернее сказать за привезённое Аэцием золото, двинулись в тыл константинопольского войска. Иоанн собирался ударить им в лоб. Но подмога не успела. Феодосий отправил ещё отряд во главе с аланами Аспаром и его сыном Ардабуром. Варвар с варваром договорится, так и здесь произошло: через связи и других алан, давних союзников гуннов, они, не вступая в бой, заключили соглашение с Роилом. Благоразумного Иоанна схватили и передали на суд малолетнего императора. И это семилетнее чадотомстило ему прежде всего. По приказу Валентиниана устроили кровавое и унижительное для гражданина зрелище. Несчастного Иоанна привезли на ипподром Аквилеи, там ему отрубили руку, которой он подписывал указы и покалеченного посадили на осла. В сопровождении мимов, которые кривлялись и потешались над ним, оскорбляли, унижали постыдными словами и телодвижениями, повезли по арене вдоль скамей зрителей. Вдоволь насладившись мучениями своего противника, юный победитель повелел его казнить. Аэция же простили и допустили в Рим. Так Галла вернулась на родину, говорят, что в Константинополе ей тоже жилось не сладко... – Тетр прервал свой рассказ, потому что мы подъехали к дверям «моего» дома. Теперь нам предстояли большие хлопоты и расходы.

## V

После обеда мы с Фиделисом и Тетром обсуждали предстоящее моё отплытие в Карфаген.

По правде сказать, мне не хотелось никуда ехать. И сначала, когда Галла Плацидия произнесла имя Бонифация, я не понял, о ком речь, и первое, что мне пришло в голову, это лев Бонифаций из мультфильма «Каникулы Бонифация», так как я совершенно забыл о некоем деятеле Бонифации, который управлял провинцией Северная Африка и был замешан в каком-то конфликте. Я никак не мог себе представить, как мне с ним говорить и был уверен, что он меня не слушает, к тому же, что-то припоминал, что неволью именно Бонифаций стал причиной вторжения вандалов. Не хотелось ввязываться в конфликтные ситуации, тем более, когда знаешь, что это бесполезно, уже всё свершилось, и я, как песчинка, носимая ветром, которая только ударяется и отскакивает без пользы для себя и результата для других. И, несмотря на бесполезность моей миссии, ехать придётся, что меня особенно удручало.

Утром следующего дня Фиделис отправился в имение. Надо было предупредить команду и гребцов. Несколько дней, в течение которых я ждал прибытия триерарха, ответственного за плавание и навигацию, посвятил, вместе с Тетром, отбору товаров, которые мы возьмём с собой. Хотя цель поездки – выполнение поручения высокой особы, но не гнать же корабль порожним. Когда приехал триерарх, а попросту и привычнее говоря, капитан разбитого штормом корабля, мы занялись покупкой нового судна, потому что прежнее отремонтировать так быстро нет никакой возможности. Я в этом деле ничего не смыслю, поэтому полностью доверился ему, а именно Флору Фиску Донату, он служил ещё «моему» отцу. Выглядел, несмотря на худощавость, крепким и сильным. Спокойный взор его темно-карих блестящих глаз говорил об уравновешенном характере. Черные волосы немного спускались на лоб, прикрывая глубокие борозды морщин. В одежде и во всём его облике ощущалась аккуратность и основательность. Ходил он большими шагами уверенной походкой. Он очень сожалел, что разбился корабль, Флор плывал на нём восемнадцать лет.

Мы объездили с ним несколько судоверфей. Донат придирчиво и тщательно осматривал только что построенные галеры. Часто ворчал, недовольный работой: «этот и пяти лет не прослужит», «дрянь, в первом же шторме развалится», «слабый, не выдержит натиск пиратов» и так далее и тому подобное. Я понимал, что Флор прав и хочет выбрать надёжное судно, чтобы уверенно себя чувствовать в море. Но я уже начинал терять терпение, время шло, а у нас ещё далеко не всё готово к отплытию и нет самого главного – корабля. Я Флора не торопил, он сам знал, что нам медлить нельзя, и как бы в своё оправдание говорил: «Раньше суда по двадцать-тридцать лет служили, а теперь мастера не те». А я мысленно отвечал: «Хотя бы на год, а там видно будет», вслух же говорил: «Важно, чтобы шторм выдержал». «Вот это-то и главное», – подхватывал Флор Донат.

Наконец, нам удалось отыскать галеру, которая отвечала всем требованиям моего капитана. На мой взгляд, она почти ничем не отличалась от тех, которые забраковал. Но Флор видел в них существенную разницу.

К округлым бокам судна крепились вёсла, по одиннадцать с каждого. К двум съёмным мачтам: высокой в центре и на носу – пониже, уже прикреплены паруса. По обеим сторонам перед кормой – по лопасти-веслу. Трюм довольно вместительный.

Теперь, когда есть корабль, и значит моё отплытие совсем скоро, через несколько дней, мне снова стало не по себе. Только я начал привыкать, и нужно ехать. Опять новые для меня люди, не знаю, как себя с ними вести, о чём разговаривать. Там и родственники «мои» живут. Надо и с ними встретиться. Беспokoило то, как они меня примут? Не хотелось впутываться

в политику, но послушаться правителя государства без риска для своей жизни невозможно. С приближением дня отъезда усиливалось моё волнение.

## Глава шестая. В Карфагене

### I

Уже второй день, как мы в пути. Галера наша идёт уверенно; погода стоит хорошая, часто дует попутный ветер, давая отдых нашим гребцам. Я вначале, если честно, немного боялся, как плыть на этом древнем, хоть и новом судне? Но, наблюдая, как Флор ведёт наш корабль спокойно и верно, перестал беспокоиться. Фиделис ранее неоднократно бывал со «мной» в Карфагене, поэтому он стал моим помощником и советчиком. Кроме нашей команды на судне находилось четверо друзей Бонифация, которых, как и меня, попросила Галла Плацидия поехать к нему. Они «меня» знали давно, более того, мы все оказываемся давние приятели. Но с ними мне было скучно, потому что они говорили о людях, которых я не знал, и о вещах, которые не понимал. Поэтому я больше времени проводил с Фиделисом, Флором и командой, ссылаясь на дела и обязанности хозяина. Единственно, что меня заинтересовало в беседе со «своими» приятелями, так это то, что они недоумевали: «Почему Бонифаций не хочет возвращаться в Рим, когда его просит не кто-нибудь, а мать императора?! И неужели Бонифаций решил стать тираном, независимым правителем провинции?! Но это так на него не похоже! Откуда в нём такая перемена?»

Прошло ещё трое суток, и ранним утром сквозь дымку тумана мы увидели берег! Меня одолевали противоречивые чувства. Два дня назад нас настигла буря, я здорово перетрусил. И, когда меня стала одолевать паника и крепла уверенность, что, видимо, сейчас и закончится моя жизнь в древнем мире, а может и вообще на этом свете, шторм будто утихомирился. Всё обошлось: наша галера выдержала напор дикого ветра и натиск безжалостных волн, и никого не смыло за борт. Поэтому, с одной стороны, я обрадовался благополучному прибытию, но с другой – меня беспокоили предстоящие встречи. В-третьих, Карфаген всегда у меня ассоциировался с финикийским государством, и по-другому я не мог его себе представить. От самого слова веет древностью. Карфаген – далёкая культура исчезнувшего народа, поэтому таинственная и манящая. И я даже с каким-то внутренним трепетом ступил на землю из «Истории древнего мира». Впрочем, земля откуда я прибыл на корабле, тоже из того же мира, но Карфаген...

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.